

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ. STANFORD
LIBRARIES

DK
209.6
.H4.095

А. И. ГЕРЦЕНЪ.

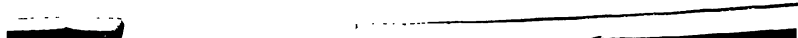
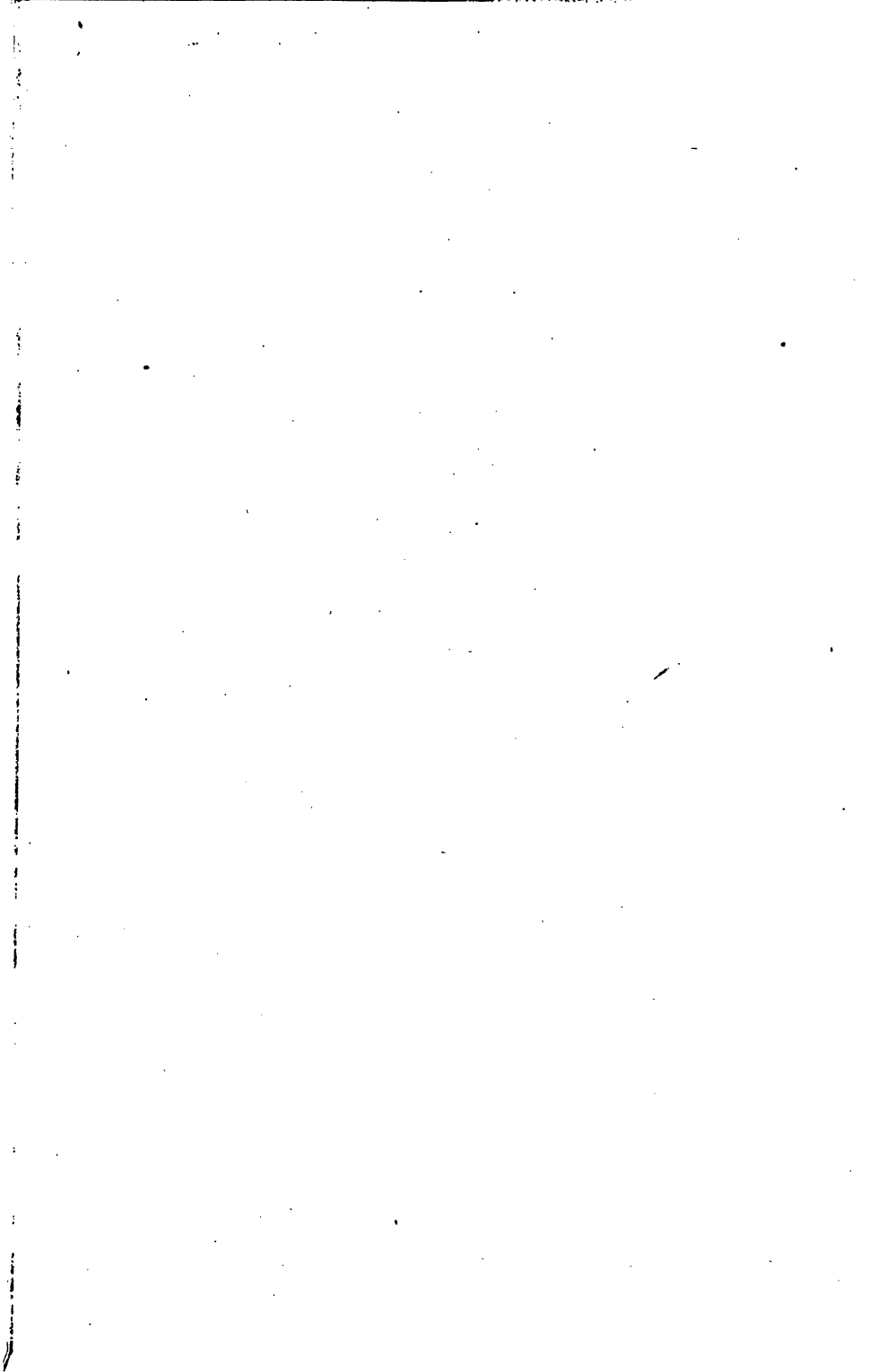
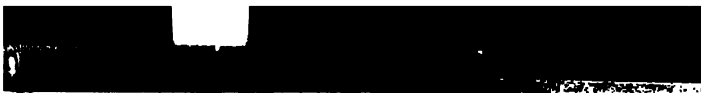
(ХАРАКТЕРИСТИКА).

Съ мнѣшій доходъ 1-го изданія поступаетъ въ пользу недо-
точныхъ слушательницъ Спб. Высшихъ Женскихъ Курсовъ
(Бестужевскихъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Т-во Издательское Бюро.
1908.

Овсянко-Куликовскій, Д.

Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ.

А. И. ГЕРЦЕНЪ.

(ХАРАКТЕРИСТИКА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Т-во Издательскаго Бюро.
1908.

DK 209 6
H. 605

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый очеркъ былъ напечатанъ въ газетѣ „Наша Жизнь“ два года тому назадъ. Я рѣшилъ переиздать его (въ нѣсколько-измѣненномъ и исправленномъ видѣ) въ виду того интереса, который возбуждается въ настоящее время личностью и дѣятельностью Герцена. Въ мою задачу не входило ни изложене его біографіи, ни оцѣнка его сочиненій по существу. Предполагая современемъ издать особый трудъ о Герценѣ, я выпускаю въ свѣтъ настоящій краткій очеркъ, какъ родъ предисловія къ будущей книгѣ,—предисловія, имѣющаго цѣлью дать предварительную характеристику личности и идеологіи великаго писателя, какъ я понимаю ихъ.

Весь чистый доходъ съ перваго изданія этой книжки поступить въ пользу недостаточныхъ слушательницъ С.-Петерб. Высшихъ женскихъ курсовъ („Бестужевскихъ“).

А. И. ГЕРЦЕНЪ.

(ХАРАКТЕРИСТИКА).

I.

А. И. Герценъ принадлежалъ къ числу тѣхъ дѣятелей, которые пріобрѣтаютъ право на будущее, на безсмертіе тѣмъ, что были кровно связаны со своимъ настоящимъ, пережили всѣ важнѣйшія муки и радости своей эпохи, выстрадали ея историческую страду и ея—очередной—идеаль. Даръ жить полнотою жизни своего времени—это рѣдкій и цѣнный даръ. Его нѣтъ у большинства среднихъ людей, какъ нѣтъ его и у многихъ выдающихся дѣятелей мысли и жизни, способныхъ прозрѣвать въ будущее и понимать въ „дальнее“. Сравнительно рѣдко являются въ исторіи великіе умы, одинаково обладающіе и живымъ пониманіемъ или чутьемъ настоящаго, и дальнзоркимъ прозрѣніемъ въ будущее. Такого прозрѣнія не было и у Герцена. Онъ слишкомъ полно, слишкомъ интенсивно жилъ настоящимъ, чтобы прозрѣвать далеко въ будущее, — его взоръ былъ затуманенъ романтизмомъ и скептицизмомъ, — и, по всему складу своей натуры, по строю своего огромнаго ума и характеру яркаго дарованія, онъ былъ призванъ къ тому, чтобы жить полнотою жизни даннаго историческаго момента, но не къ тому, чтобы взирать на жизнь съ той высоты, съ которой открываются взору широкіе и далекіе горизонты грядущаго.

Но вѣдь всякое „настоящее“ есть только переходъ отъ прошлаго къ будущему, и задача каждаго поколѣнія въ концѣ концовъ сводится къ тому, чтобы совершить этотъ переходъ по

возможности экономнѣе, съ наименьшею затратою напрасныхъ усилій, съ возможно большимъ отрѣшеніемъ отъ унаслѣдованныхъ отъ прошлаго тормазовъ или путъ мысли, а это невозможно безъ нѣкотораго прозрѣнія въ будущее, хотя бы ближайшее. Большинство людей только чувствуютъ будущее: его перспектива имъ не видна. Герценъ, при его огромномъ умѣ, широко, всестороннемъ образованіи, живомъ воображеніи, рѣдкой наблюдательности и вдумчивости, разумѣется, не ограничивался однимъ ощущеніемъ будущаго: оно строилось въ его созерцаніи, въ его чаяніяхъ, въ его разочарованіяхъ. Но его взоръ не былъ достаточно присталенъ и холоденъ, чтобы видѣть далеко и ясно. Его духъ не былъ достаточно спокоенъ, чтобы разумѣть эволюцію человѣчества. И его несомнѣнные права на вниманіе и признаніе потомства основываются главнымъ образомъ на томъ, что, переживъ полностью историческую жизнь настоящаго, онъ тѣмъ самымъ явился піонеромъ будущаго.

Къ человѣку, который прожилъ такую жизнь и рассказалъ ее, хотя бы и безъ особеннаго таланта рассказчика, будущія поколѣнія отнесутся не только съ великимъ уваженіемъ, но и съ великимъ интересомъ. Это уваженіе и интересъ, это имя въ потомствѣ превратятся въ „безсмертіе“, если такой человѣкъ обладалъ исключительнымъ дарованіемъ или геніальностью. Его повѣсть о самомъ себѣ, о своемъ времени, о томъ, какъ онъ жилъ полнотою жизни своей эпохи, изложенная, на примѣръ, въ великолѣпныхъ стихахъ „Чайльдъ-Гарольда“, или въ великолѣпной прозѣ „Былого и Думъ“, не будетъ сдана въ архивъ исторіи и навсегда останется живымъ достояніемъ развивающагося человѣчества.

Но понимать и изучать такихъ людей труднѣе чѣмъ тѣхъ, которые не жили полнотою жизни своей эпохи и стяжали „безсмертіе“ другими путями, на примѣръ, крупнымъ открытіемъ въ наукѣ, созданіемъ великой философской системы, великаго художественнаго обобщенія, предвосхищеніемъ будущаго идеала и т. д. Людей, жившихъ полнотою жизни эпохи, сравнительно труднѣе понимать и изучать не только потому, что нужно сперва ознакомиться съ ихъ эпохою и уяснить себѣ, въ чемъ состояла полнота жизни въ то время, но еще болѣе по другой причинѣ,

а именно: наша собственная жизнь, личная и общественная, наша очередная историческая задача, наши текущіе радости и скорби мѣшаютъ намъ вникнуть въ чужую жизнь, понять историческую задачу прошлаго, перечувствовать давно угасшіе радости и скорби. Оттуда — цѣлый рядъ недоразумѣній между поколѣніями, между „дѣтьми“ и „отцами“, между эпохами, даже близкими. Особенно видную роль въ этихъ недоразумѣніяхъ играютъ иллюзіи: человѣкъ, жившій нѣкогда полнотою жизни своей эпохи, жилъ ея иллюзіями по преимуществу. Мы живемъ своими иллюзіями, хотя бы и не жили всей полнотою жизни нашей эпохи. Понять чужія иллюзіи, къ тому же уже отошедшія, въ прошлое, не легко человѣку, одержимому своими, новыми современными. Конечно, не трудное дѣло — понять чужія или прошлыя — историческія — иллюзіи внѣшнимъ образомъ, уразумѣть ихъ формулы, ихъ слова. Но мы говоримъ о пониманіи интимномъ, о разумѣніи не формулъ и словъ иллюзій, а ихъ психологіи, ихъ душевной исторіи, ихъ сокровенной драмы. Совпаденіе формулъ и словъ нерѣдко вводитъ насъ въ заблужденіе, заставляя предполагать совпаденіе соотвѣтственныхъ движеній мысли и чувства; потомъ оказывается, что, пользуясь тѣми же выраженіями и лозунгами, люди никакъ не могутъ столкнуться и понять другъ друга.

Герцену пришлось переиспытать немало всяческихъ недоразумѣній и столкновеній. Они возникали между нимъ и его сверстниками, между нимъ и представителями младшаго поколѣнія, между нимъ и русскимъ обществомъ. Со всѣхъ сторонъ (преимущественно въ 60 годахъ) онъ былъ опутанъ сложною сѣтью взаимнаго непониманія, доходившаго порою до тѣхъ крайнихъ предѣловъ, при которыхъ постороннему наблюдателю остается только развести руками и сознаться въ своемъ неумѣніи, съ своей стороны, понять эту путаницу отношеній, коллизій и нареканій. Нельзя понять Герцена, не распутавъ, предварительно этотъ клубокъ. Новые изслѣдователи Герцена и его эпохи уже распутали и разъяснили многое, но не мало остается еще запутаннаго и темнаго. Быть можетъ, небезполезнымъ окажется въ этомъ дѣлѣ предлагаемое мною воззрѣніе на Герцена, какъ на великаго человѣка, который, не понимая будущаго съ доста-

точною ясностью, очень много сдѣлалъ для него только тѣмъ, что всѣми фибрами души своей чувствовалъ тяготу настоящаго и жилъ полнотою исторической жизни эпохи...

II.

Читая и перечитывая Герцена, нельзя не подчиниться власти его огромнаго ума, его исключительнаго дарованія, и въ особенности не испытать обаянія его личности, совершенно неотдѣлимой отъ его сочиненій, такъ ярко выступающей въ нихъ во всей своей оригинальности, во всемъ блескѣ своихъ духовныхъ силъ. Трудно найти у насъ другого писателя, который бы такъ жилъ въ своихъ сочиненіяхъ, какъ Герценъ. Къ нимъ какъ-то не подходитъ даже терминъ: „сочиненія“. Все, что такъ или иначе отзывается сочинительствомъ, „литературностью“, „кабинетною работою“ и что въ извѣстной мѣрѣ присуще трудамъ величайшихъ писателей, почти совсѣмъ отсутствуетъ у Герцена. Это сказывается прежде всего въ его языкѣ, стилѣ, манерѣ письма. Небрежность и неправильность его слога, изобилующаго галлицизмами, зачастую непріятно поражаютъ нашъ слухъ, избалованный мастерами русскаго литературнаго языка, но зато подкупаютъ насъ искренностью, естественностью живой рѣчи и заставляютъ вспоминать мѣткое слово Пушкина:

Какъ угръ румяныхъ безъ
улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я русской рѣчи не люблю...

Извѣстны отзывы Тургенева: „Языкъ его, до безумія неправильный, приводитъ меня въ восторгъ: живое тѣло...“. — „Всѣ эти дни я находился подъ впечатлѣніемъ той (рукописной) части „Былого и Думъ“ Герцена, въ которой онъ рассказываетъ исторію, своей жены, ея смерть и т. д. Все это написано слезами, кровью: это—горить и жечь... Такъ писать умѣлъ онъ одинъ изъ русскихъ“.

Языкъ и вообще литературная манера Герцена—это живая передача всего продуманнаго, прочувствованнаго, пережитаго;

это не копія, не снимокъ, а какъ бы заново пережитая жизнь. Оттуда ощущеніе правды, отъ котораго мы не можемъ отдѣлаться даже тогда, когда находимъ у него мысли, кажушіяся намъ неправильными, понятія, завѣдомо ложныя, ошибки, которыя были таковыми уже въ то время.

Въ воззрѣніяхъ Герцена весьма многое подлежитъ критикѣ и рѣшительному отрицанію. И такое отрицаніе въ свое время высказывалось людьми, не меньше Герцена послужившими великому дѣлу созданія нашей общественной и политической мысли. Укажу на Чернышевскаго съ одной стороны, на Тургенева съ другой. И въ настоящее время послѣ всего, что сдѣлано до сихъ поръ въ Зап. Европѣ и у насъ для рациональной постановки проблемъ соціальной борьбы и общественнаго развитія, вопроса національнаго и т. д., мы, критикуя воззрѣнія Герцена, принуждены будемъ, въ одномъ случаѣ, стать на сторону такихъ противниковъ его, какъ Чернышевскій, въ другомъ-такихъ, какъ Тургеневъ, и почти по всѣмъ пунктамъ идеологія и міросозерцаніе Герцена разойдутся съ нашими. Но при всемъ томъ, намъ придется признать, что ошибки Герцена были, если можно такъ выразиться, „ошибками“ самой исторіи, отраженными въ умѣ и чувствѣ великаго человѣка, жившаго всего полнотою жизни даннаго историческаго момента.

Крупныхъ ошибокъ за Герценомъ числится двѣ: 1) онъ не понялъ и не оцѣнилъ того великаго движенія русской общественной мысли, которое зачиналось въ концѣ 50-хъ годовъ (въ самый разгаръ политической дѣятельности Герцена) и было связано съ великими именами Чернышевскаго и Добролюбова; 2) онъ не понялъ и не оцѣнилъ зачинавшагося въ 60-хъ годахъ величайшаго въ новѣйшей исторіи Европы движенія — рабочаго, руководимаго тогда Карломъ-Марксомъ, какъ не понялъ значенія научно-философскихъ идей великаго экономиста*).

*) Отношенія Герцена къ Марксу разъяснены и освѣщены въ превосходной статьѣ г. Богучарскаго „А. И. Герценъ“; его конфликтъ съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ изложенъ въ очеркѣ того-же автора „Столкновеніе двухъ теченій общественной мысли“ (см. В. Богучарскій „Изъ прошлаго русскаго общества“, С.-Петербургъ, 1904 г.)

Менѣ важна, но очень любопытна третья ошибка Герцена — его сентиментальное или романтическое воззрѣніе на Россію, на русскій народъ, противопоставляемые Западной Европѣ, будто бы уже дряхлѣющей, — воззрѣніе, которое можно назвать „соціалистическимъ славянофильствомъ“ или „русскимъ мессіаниззмомъ“ Герцена.

Уже одного бѣглаго указанія на эти „ошибки“ достаточно, чтобы видѣть въ Герценѣ типичнаго представителя 40-хъ годовъ, — той идеологіи, которая войдя въ плоть и кровь лучшихъ людей эпохи, пережила — въ 50-хъ и 60 годахъ — свое время и, среди новыхъ задачъ, идей и стремленій, у насъ и въ Зап. Европѣ, являлась грустнымъ воспоминаніемъ прошлаго, красивою мечтою угасающей жизни, странною и чарующею задумчивостью среди шума и суеты новыхъ движеній, новой борьбы и новыхъ мыслей, для пониманія которыхъ нужно было имѣть гораздо больше, чѣмъ было у Герцена, „любви къ дальнему“ и поменьше той полноты жизни въ прошломъ, которая приворожила мысль и чувство великаго писателя къ „былому“ и набросила на его яркія, блестящія, глубокія „думы“ траурный флеръ воспоминаній о томъ, что „было и не будетъ вновь“.

„Былое и Думы“ — величайшее произведеніе Герцена и одно изъ великихъ твореній міровой литературы. Въ немъ весь Герценъ, со всѣмъ блескомъ его ума, съ его искрящимся остроуміемъ, со всею глубиною и всею грустью его мысли, со всѣмъ романтизмомъ его мечты, со всею полнотою его жизни — идеалиста 40-хъ годовъ, читающаго отходную своей идеологіи и себѣ самому въ 50—60-хъ годахъ. Не ищите тамъ „любви къ дальнему“, безъ которой невозможно раціональное прозрѣніе даже въ ближайшее будущее. Взамѣнъ того вы найдете тамъ любовь къ тому прошлому, когда слагалась въ московскихъ спорахъ нравственная и умственная сила Герцена. Не ищите тамъ и слѣдовъ того „экономизма“, безъ котораго съ 60-хъ годовъ стало невозможнымъ сколько нибудь раціональное и жизнеспособное міровоззрѣніе, — взамѣнъ того вы найдете тамъ „культъ героевъ“, — какъ Гарибальди, Мадзини и другіе, въ ряду которыхъ, разумѣется, не оказалось мѣста для Карла-Маркса.

„Былое и Думы—историческая хроника цѣлой эпохи, освѣщенная задушевною исповѣдью русскаго идеалиста, не переставшаго въ изгнаніи вздыхать о далекой родинѣ, которую онъ страстно любилъ и освобожденію которой отъ гнета дореформенныхъ порядковъ онъ такъ могущественно содѣйствовалъ.

Для нашего освобожденія (начавшагося въ 1861 году въ формѣ раскрѣпощенія и затянувшагося до нашихъ дней) онъ сдѣлалъ, быть можетъ, больше, чѣмъ кто либо изъ его сверстниковъ, за исключеніемъ Бѣлинскаго. И эту освободительную роль онъ могъ такъ блестяще сыграть именно благодаря своему рѣдкому таланту—жить полною жизнью эпохи со всѣми ея негодowanіями, со всею силою нравственнаго возмущенія, со всею сиротливостію и душевнымъ одиночествомъ русскаго идеалиста и барина—демократа, обреченнаго дома быть „лишнимъ“, въ Европѣ—чужимъ. Герценъ, не меньше Бѣлинскаго, выстрадалъ глухое и суровое время 40-хъ годовъ,—ту „гнусную расейскую дѣйствительность“, въ которой задохнулся Бѣлинскій. Еще въ 1842 году онъ писалъ въ „Дневникѣ“: „поймутъ-ли, оцѣнятъ-ли грядущіе люди весь ужасъ, всю трагическую сторону нашего существованія? А между тѣмъ наши страданія—почка, изъ которой разовьется ихъ счастье... О пусть они остановятся съ мыслью и грустью передъ камнями, подъ которыми мы уснемъ: мы заслужили ихъ грусть“. Эта трагическая сторона существованія не прекратилась съ переселеніемъ Герцена за границу. Послѣ кратковременныхъ увлеченій и разбитыхъ иллюзій 1848 года, Герценъ оказался—въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Женевѣ—въ положеніи, аналогичномъ тому, въ какомъ находился онъ въ Россіи: опять душевное одиночество, опять чувство сиротливости, опять острое негодowanіе и нравственное возмущеніе въ виду повсюду торжествующей реакціи крушенія революціонныхъ иллюзій и наступленія господства буржуазіи или „мѣщанства“, какъ барски-презрительно называлъ ее Герценъ. И многія страницы позднѣйшихъ очерковъ „Былого и Думъ“, какъ и многія письма Герцена, звучатъ тою ж скорбью, которая нѣкогда вылилась въ приведенныхъ выше строкахъ „Дневника“. Опять—одинъ, чужой въ „мѣщанской“ Европѣ въ будущее которой онъ не вѣрилъ... Оторванный отъ родины

гдѣ уже скоплялась мгла реакціи, оскорбленный охлажденіемъ къ нему русскаго общества, огорченный обострившимися недо-разумѣніями съ представителями молодого поколѣнія, одиноко оживалъ Герценъ свою скитальческую жизнь, отдыхая душой на воспоминаніяхъ о прошломъ и на мечтѣ о великомъ при-званіи русскаго народа, долженствующаго когда-нибудь обновить дряхлѣющій міръ живою силою „общиннаго начала“ и широкимъ размахомъ здоровой натуры, неиспорченной европейскимъ „мѣщанствомъ“...

То, что мы называемъ ошибками Герцена, было вели-кою правдою его мысли и потрясающею драмою его души. То что называется его „сочиненіями“—есть исповѣданіе этой правды и воспроизведеніе этой драмы. И это—„горить и жжетъ“—отливаетъ всѣми цвѣтами жизни, искрится слезами и смѣхомъ,—это безсмертный памятникъ жизни, прожитой такъ полно, такъ интенсивно, такъ прекрасно, что—помимо высокой цѣнности идей и образовъ—она сама по себѣ стала достояніемъ всѣхъ временъ.

II.

Западничество и славянофильство Герцена.

I.

Переходя къ характеристикѣ идей и идеологіи Герцена, мы должны прежде всего остановиться на отношеніяхъ его къ западничеству и славянофильству. Эти отношенія представляются довольно сложными, но уяснить ихъ нетрудно, ибо самъ Герценъ далъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ и въ „Дневникѣ“ весьма опредѣленные указанія, благодаря которымъ мы легко можемъ понять, какимъ образомъ въ его міросозерцаніи могли совмѣщаться и примиряться элементы западничества и славянофильства, казалось бы, столь противорѣчивые.

Было бы несправедливо назвать его эклектикомъ. Въ его умѣ не было и тѣни доктринерства, доля котораго необходима для построенія системы изъ лоскутковъ, изъ различныхъ, часто противорѣчивыхъ элементовъ. Въ его умѣ, въ его чувствѣ, въ его настроеніи само собою примирялись элементы западническіе съ славянофильскими, находя тамъ созвучныя себѣ струны. Богатая и сложная натура Герцена совмѣщала въ себѣ и ту тягу къ Европѣ, которая образуетъ психологическое основаніе западничества, и то стремленіе къ національному самоутвержденію, которое выразилось въ славянофильствѣ. Въ этомъ смыслѣ Герценъ былъ натурою центральною не меньше Бѣлинскаго (такъ опредѣлилъ Бѣлинскаго Тургеневъ).

Въ 40-хъ годахъ тяга къ Европѣ проявлялась въ душѣ Герцена значительно сильнѣе противоположныхъ стремленій, — и

онъ былъ „западникомъ“, раздѣлявшимъ только нѣкоторыя мысли и мечты словянофиловъ. Какъ писатель, онъ принадлежалъ къ литературной партіи западниковъ; въ лагерѣ славянофиловъ онъ никогда не числился и не принималъ участія въ ихъ журналахъ и сборникахъ. Не разъ приходилось ему выступать въ печати противъ „правой“ стороны славянофильства, а въ бесѣдахъ и спорахъ онъ рѣзко возставалъ противъ всего отсталого, реакціоннаго, „византійскаго“ въ воззрѣніяхъ передовыхъ славянофиловъ. Извѣстны его горячіе споры съ Хомяковымъ, этимъ застрѣльщикомъ и лучшимъ полемистомъ славянофильства.

Всѣ культурныя блага—свобода совѣсти, мысли, просвѣщеніе, — какія выработала и какія сулила западно-европейская цивилизація, были дороги Герцену не меньше, чѣмъ другимъ „правовѣрнымъ“ западникамъ,—и онъ всецѣло раздѣлялъ тогда западническую вѣру въ европейскій прогрессъ, въ великія творческія силы и лучшее будущее германскихъ и романскихъ народовъ, о „гніеніи“ которыхъ уже говорили славянофилы. На пресловутой антитезѣ Востока и Запада его мысль не останавливалась тогда... Онъ былъ—„западникъ“....

И однако же въ его воззрѣніяхъ и въ самомъ складѣ натуры было нѣчто такое, что влекло его къ славянофильству. Прежде всего, это было живое національное чувство, никогда не доходившее у Герцена до національнаго фанатизма, какъ у славянофиловъ, но дававшее ему возможность интимно понимать этотъ фанатизмъ, видѣть въ немъ безкорыстную, благородную основу. Вотъ что позже писалъ онъ въ некрологѣ К. Аксакова: „Рано умеръ Хомяковъ, еще раньше Аксаковъ; больно людямъ, любившимъ ихъ, знать, что нѣтъ больше этихъ дѣятелей благородныхъ, неутомимыхъ, что нѣтъ этихъ противниковъ, которые были ближе намъ многихъ своихъ.... У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы за пророчество,—чувство безграничной, охватывающей все существованіе, любви къ русскому народу, къ русскому быту,

къ русскому складу ума. И мы, какъ Янушъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время, какъ сердце билось одно...^{а *})

Вотъ именно въ этомъ приподнятомъ, страстномъ чувствѣ національности, сближавшемъ Герцена съ славянофилами, и скрывались зародыши тѣхъ идей, которыя позже, развившись подъ новыми, заграничными, впечатлѣніями, придали всему міросозерцанію Герцена яркій отпечатокъ несомнѣннаго, хотя и очень своеобразнаго, славянофильства или, точнѣе, руссофильскаго мессіанизма. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ заново и по-своему пришелъ къ славянофильской мысли о „гніеніи“ западно-европейской цивилизаціи,—странной, романтической, можно сказать, „бредовой“ мысли, которая навязчиво прельщала его умъ въ тотъ періодъ его жизни, когда его западническія убѣжденія и симпатіи къ Европѣ не выдержали искуса разочарованій, порожденных крушеніемъ революціонныхъ идей 1848 года и торжествомъ буржуазной реакціи.

Къ этому-то времени (50-ые и 60-ые годы) и относится расцвѣтъ славянофильства Герцена. Оно отразилось и въ некропогѣ К. Аксакова, гдѣ воспоминанія о прошломъ окрасились новыми настроеніями. Въ настоящей главѣ мы имѣемъ въ виду это прошлое, т. е. отношенія Герцена—западника къ славянофиламъ въ 40-хъ годахъ, а потому и обратимся къ показаніямъ „Дневника“ Герцена, гдѣ эти отношенія отразились, какъ въ зеркалѣ.

II.

Въ 1844 году, въ самый разгаръ литературныхъ и устныхъ споровъ между западниками и славянофилами, Герценъ писалъ въ „Дневникѣ“ (подъ 17 мая): „Странное положеніе мое, какое-то невольное *juste milieu* въ славянскомъ вопросѣ: передъ ними (славянофилами)—я человѣкъ запада, передъ ихъ врагами (западниками)—человѣкъ востока. Изъ этого слѣдуетъ, что для нашего времени эти одностороннія опредѣленія не годятся“.

*) Беру цитату изъ книги г. Батуринскаго: „А. И. Герценъ, его друзья и знакомые“ т. I стр. 115. Для лицъ, изучающихъ жизнь и дѣятельность Герцена, эта книга представляетъ превосходное пособіе.

Повидимому, въ славянофильствѣ Кирѣевскихъ, К. Аксакова, Хомякова ему чужалась тогда какъ бы заря грядущаго возрожденія Россіи и всего славянства, какъ національнаго цѣлаго. Несомнѣнно, что его привлекалъ широкій демократизмъ славянофиловъ, которымъ эти послѣдніе выгодно отличались отъ многихъ западниковъ того времени. Несомнѣнно и то, что онъ, делѣя „русскую“ или „славянскую“ идею, обращалъ—вопреки правовѣрнымъ славянофиламъ—свой взоръ къ будущему, а не къ прошлому. Для него это не была реставрація исторически отжившихъ идей и формъ, а починъ въ историческомъ дѣлѣ созданія будущаго, пути котораго—казалось ему тогда—не должны расходиться съ путями общеевропейскаго прогресса. Онъ не идеализировалъ московскую Русь, какъ это дѣлали славянофилы, и въ согласіи со всѣми западниками—чтилъ Петра Великаго, котораго славянофилы ненавидѣли.

Прочтемъ еще слѣдующее („Дневникъ“, подъ 12 мая того же 1844 г.): „Истиннаго сближенія между ихъ (славянофиловъ) воззрѣніемъ и моимъ не могло быть, но могло быть довѣріе и уваженіе.... Съ полною гуманностію, подвергаясь упрекамъ со стороны своихъ друзей, протягивалъ я имъ руку, желалъ ихъ узнать, оцѣнить хорошее въ ихъ воззрѣніи. Но они фанатики и нетерпящіе люди. Они создали міръ химеръ и оправдываютъ его двумя-тремя порядочными мыслями, на которыхъ они выстроили не то зданіе, которое слѣдовало.... Всѣхъ ближе изъ нихъ къ общечеловѣческому взгляду—Самаринъ; но и у него еще много твердо и исключительно славянскаго. Аксаковъ (Конст.) во вѣки вѣковъ останется благороднымъ, но и онъ не поднимется дальше москвофили“.

Отсюда, между прочимъ, видно, что Герценъ выше всего ставилъ идеаль общечеловѣческой и въ воззрѣніяхъ славянофиловъ цѣнилъ то, что казалось ему отвѣчающимъ этому идеалу. Послѣдній, разумѣется, не былъ чуждъ и славянофиламъ, но понимали-то они его слишкомъ узко, слишкомъ своеобразно. Кромѣ того, они, какъ всѣ фанатики національной идеи, подчинялись въ своихъ взглядахъ на вещи и въ своей критикѣ той нераціональной точкѣ зрѣнія, которую всего лучше выражаетъ поговорка: не по-хорошу милъ, а по-милу хорошъ. Въ

общечеловѣческомъ идеалѣ они одобряли то или иное не потому, что оно-само по себѣ хорошо, а потому, что оно казалось имъ совпадающимъ съ „русскимъ воззрѣніемъ“, которое имъ было „мило“. Было бы, конечно, большою несправедливостью утверждать, что у нихъ совсѣмъ не было критическаго отношенія ко всему „русскому“ и что они огуломъ отвергали все европейское. Въ ихъ критикѣ, какъ русскихъ, такъ и западноевропейскихъ „началь“ найдется немало вѣрнаго и мѣткаго... Но критика и система идей—одно, а психологія умовъ и направленій это—другое. Въ области психологіи славянофильства, какъ и всякаго націонализма, приведенная выше поговорка примѣнима какъ нельзя лучше. Загляните въ „нутро“ любого націоналиста, хотя бы наиболѣе умѣреннаго и прогрессивно-настроеннаго, и вы увидите, что онъ одержимъ тою пристрастною, „физиологическою“, по опредѣленію Герцена ирраціональною любовью къ „родному“, „своему“, которая ослѣпляетъ взоръ, суживаетъ горизонты мысли и дѣлаетъ человѣка недостаточно воспріимчивымъ къ истинной гуманности, къ широкимъ—всечеловѣческимъ—симпатіямъ и къ высшему—сверхнаціональному—идеалу, основанному на выводахъ раціональной мысли и на внушеніяхъ самаго раціональнаго изъ чувствъ—чувства справедливости.

И если мнѣ предъявятъ (да я и самъ могъ бы это сдѣлать) рядъ цитатъ изъ сочиненій славянофиловъ,—цитатъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что имъ не чужды были всечеловѣческія симпатіи и чувство справедливости, я все-таки буду на-сторожѣ и приведу другой рядъ цитатъ оттуда же, показывающихъ, что, напр., у нихъ славянская идея была замаскированнымъ русскимъ, (даже великорусскимъ) націонализмомъ, почти „партикуляризмомъ“, и что, фанатически любя Россію и все „истинно-русское“, они принимали историческія (слѣдов.—временныя) формы быта, государственности, религіи и т. д. за неотъемлемую принадлежность самой національности. А если такъ, то можно ли серьезно говорить объ общечеловѣческомъ идеалѣ славянофиловъ?

Герценъ, напротивъ, всегда лелѣялъ широкій общечеловѣческій идеалъ и потому никогда не былъ правовѣрнымъ славянофиломъ, и сближаясь съ славянофилами живымъ чувствомъ націо-

нальности и—также ирраціональною—любовью къ „русскому быту“, „русскому складу ума“ и т. д.,—всегда оставался въ рядахъ западниковъ.

III.

Обращаясь къ западничеству 40-хъ годовъ, мы скажемъ, что существеннымъ отличіемъ этого направленія было не пресловутое преклоненіе передъ европейскою цивилизаціею, къ которой многіе западники умѣли относиться критически не хуже славянофиловъ, а нѣчто болѣе существенное, именно—психологическое тяготѣніе къ Европѣ, къ свѣту мысли, къ движенію умовъ, къ сокровищамъ науки, философіи, искусства, къ освободительнымъ идеаламъ, ко всему, чѣмъ такъ выгодно отличалась Европа отъ Россіи. И это тяготѣніе отнюдь не приводило къ отрицанію національности. Напротивъ, оно оздоравливало національность критикою ея недостатковъ и преходящихъ формъ ея историческаго выраженія. Большимъ преимуществомъ западниковъ было то, что они не знали власти того приподнятаго, фанатическаго чувства національности, какимъ отличались славянофилы, равно какъ и того, которое было свойственно Герцену. Это не мѣшало, конечно, западникамъ любить родину и оставаться русскими людьми. Бѣлинскій напр., былъ истинный патріотъ—не меньше К. Аксакова. Но, въ противоположность послѣднему, великій критикъ былъ совершенно свободенъ отъ русскихъ національныхъ пристрастій,—и не упускалъ случая подвергнуть критикѣ тѣ или другія черты нашего національнаго характера. Онъ, напримѣръ, высмѣивалъ пресловутую „широкую русскую натуру“, русское „авось“ и „небось“. Въ противозѣсъ этому, прочтемъ слѣдующія строки изъ „дневника“ Герцена, набросанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ „Мертвыхъ душъ“: „...Мертвыя души“ Гоголя—удивительная книга, горькій упрекъ современной Руси, но не безнадѣжный. Тамъ, гдѣ взглядъ можетъ проникнуть сквозь тину нечистыхъ, навозныхъ испареній, тамъ онъ видитъ удалую, полную силы національность... Грустно въ мірѣ Чичиковыхъ—такъ, какъ грустно намъ въ самомъ дѣлѣ; и тутъ,

и тамъ одно утѣшеніе въ вѣрѣ и упованіи на будущее. Но вѣру эту отрицать нельзя, и она не просто романтическое упованіе *ins Blaue*, а имѣетъ реалистическую основу: кровь какъ то хорошо обращается у русскаго въ груди "... Очевидно, Герцену былъ очень по душѣ знаменитый лиризмъ „Мертвыхъ Душъ“, тотъ подъемъ національнаго чувства, съ которымъ Гоголь воспѣвалъ Русь „изъ прекраснаго далека“—и „птицу—тройку“—символь Руси, и „бойкій русскій умъ“.. Подъ впечатлѣніемъ этихъ мѣстъ поэмы, Герценъ заноситъ въ свой „дневникъ“: „Я часто смотрю изъ окна на бурлаковъ, особенно въ праздничный день, когда, подгулявши, съ бубнами и пѣньемъ, они ѣдутъ на лодкѣ, крикъ, свистъ, шумъ. Нѣмцу во снѣ не пригрезится такого гулянья; и потомъ въ бурю—какая дерзость, смѣлость, летитъ себѣ“... (Подъ 11 іюня 1842 г.)—„Но“—добавляетъ онъ—„все это и одной іотой не уменьшаетъ горечь жизни“...

Придетъ время, когда такое націоналистическое любованіе русскимъ—идеализированнымъ—національнымъ складомъ въ извѣстной мѣрѣ скраситъ „горечь жизни“ Герцена, горечь его разочарованій, тоску изгнанія.

Тогда онъ напишетъ слѣдующія строки:

„Пора... знакомить Европу съ Русью... Пусть она узнаетъ ближе народъ, котораго *отроческую силу* она оцѣнила въ боѣ, гдѣ онъ остался побѣдителемъ; расскажемъ ей объ этомъ *моцномъ и не разгаданномъ народѣ, который втихомолку образовалъ государство въ 60 милліоновъ, который такъ крѣпко и удивительно разросся, не утративъ общиннаго начала*, и первый перенесъ его черезъ начальные перевороты государственнаго развитія; объ народѣ, который какъ-то чудно умѣлъ сохранить себя подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкихъ бюрократовъ *который сохранилъ величавыя черты, живой умъ и широкій разгулъ богатой натуры* подъ гнетомъ крѣпостнаго состоянія и въ отвѣтъ на царскій приказъ образоваться—отвѣтилъ черезъ сто лѣтъ громаднымъ явленіемъ Пушкина...“¹⁾

¹⁾ Изъ предисловія къ знаменитой книгѣ „Съ того берега“. Курсивъ мой. Сочиненія А. И. Герцена, С.-Петербурга 1905, т. V, стр. 172—173.)

Послѣдовательный западникъ могъ бы подвергнуть эту тираду уничтожающей критикѣ, хотя бы такъ, какъ позже, въ 60-хъ годахъ, критиковалъ славянофильство Герцена и другихъ Тургеневъ въ остроумныхъ письмахъ къ Герцену и въ злыхъ рѣчахъ Потугина.

Но въ 50-хъ годахъ такая критика была бы неумѣстна. Наканунѣ великой реформы славянофильство и родственныя ему направленія общественной мысли обнаруживали гораздо-большую жизненность, чѣмъ традиціонное западничество, проявляясь своею лучшею, прогрессивною и демократическою, стороною. Самъ Тургеневъ, этотъ неисправимый западникъ, относился тогда къ славянофильству съ большою мягкостью (свидѣтельствомъ чего служатъ и „Дворянское гнѣздо“ съ центральною фигурою славянофила Лаврецкаго, и дружеская переписка съ Аксаковыми).

Періодъ критики славянофильскихъ идей наступилъ позже, приблизительно во второй половинѣ 60-хъ годовъ. „Дымъ“ Тургенева и его письма къ Герцену, относящіяся къ этому времени, были однимъ изъ самыхъ яркихъ выраженій конфликта между новымъ славянофильствомъ и новымъ западничествомъ. Въ отвѣтныхъ же письмахъ Герцена и въ нѣкоторыхъ его статьяхъ того времени мы имѣемъ любопытный „психологическій документъ“, по которому мы можемъ составить себѣ вѣрное представленіе объ интимной, строго-субъективной, душевной сторонѣ націонализма Герцена и его руссифильскихъ иллюзій.

III.

Націоналізмъ и соціалізмъ Герцена.

I.

Націоналізмъ Герцена выгодно отличался отъ націоналізма правовѣрныхъ славянофиловъ въ двухъ отношеніяхъ: 1) онъ никогда не былъ и не могъ быть консервативнымъ и не таилъ въ себѣ, даже въ зародышѣ, въ возможности, никакихъ реакціонныхъ элементовъ; это былъ націоналізмъ прогрессивный, критическій и освободительный; онъ отличался рѣзко выраженнымъ демократическимъ направленіемъ и сочетался съ идеями европейскаго соціалізма въ той формѣ, въ какую онъ вылились къ концу 40-хъ годовъ; 2) націоналізмъ Герцена не былъ доктриною и не заключалъ въ себѣ ничего ни доктринерскаго, ни догматическаго; это былъ, если можно такъ выразиться, націоналізмъ „натуральный“, психологическій, онъ глубоко коренился въ самой натурѣ Герцена, сплетаясь незримыми узами съ особенностями его ума и дарованія.

Національное чувство было всегда довольно живо у Герцена (какъ это видно, между прочимъ, изъ дневника), но, при этой живости, оно еще не переходило въ націоналізмъ,—пока Герценъ оставался въ Россіи. Заграницей оно обострилось, стало ярче, дѣятельнѣе, настойчивѣе и, наконецъ, достигло той степени напряженности, при которой всякое чувство отражается въ умственной сферѣ,—какъ мысль, какъ идея.

Націоналізмъ есть именно извѣстная идея, а потомъ и доктрина, „философія“, политическая программа и т. д., возникающія подъ давленіемъ національнаго чувства,—и о немъ прихо-

чувствъ, и посмотримъ, въ какомъ видѣ являлась ему западно-европейская и русская дѣйствительность сквозь дымку этой идеологии.

Въ „Былое и Думы“ и въ нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ Герцена есть удивительныя страницы, гдѣ онъ со всѣмъ блескомъ своего ума и таланта передаетъ результаты своихъ наблюдений надъ психологіею западно-европейскаго человѣка. Отличительная черта этихъ живыхъ характеристикъ—своеобразный романтизмъ: въ современной Европѣ Герценъ видитъ оскупѣніе, измельчаніе жизни, нѣкогда столь богатой и широкой; ему чудится, что Европа утратила былую силу творчества, замѣненнаго нынѣ дрессировкой, выучкою; въ особенности же претитъ ему наплывъ „мѣщанской“ узкости и пошлости. Не по душѣ ему и Франція, и Германія; Англію онъ также не любитъ, но отмѣчаетъ въ ней кое-что, достойное удивленія и уваженія. Только Италія, тогда одна изъ наиболѣе отсталыхъ странъ, привлекаетъ къ себѣ его симпатіи: она сохраняла еще остатки прошлаго, какое то, еще не растраченное, наслѣдіе старой культуры и не поддавалась новѣйшей нивелировкѣ и буржуазному опошленію. Гарибальди представляется ему истинно античнымъ героемъ—„лицомъ, цѣликомъ выхваченнымъ изъ Корнелія Непота“. Мадзини, Саффи и другіе итальянскіе патріоты и конспираторы внушаютъ ему живѣйшее чувство симпатіи, уваженія, удивленія въ нихъ онъ цѣнитъ благородство и изящество аристократическаго типа, завѣщаннаго стариною; онъ любитъ ими, даже просто ихъ внѣшностью и манерами; онъ не упускаетъ случая отмѣтить всѣ преимущества ихъ, какъ умовъ, натуръ, характеровъ, передъ революціонерами и эмигрантами другихъ національностей, въ особенности—нѣмецкой. Для характеристики французовъ и нѣмцевъ онъ не щадитъ ядовитыхъ строкъ своего остроумія и сарказма и зачастую подлежитъ упреку въ несправедливости и предвзятости мнѣнія. Изъ французовъ онъ высоко ставитъ весьма немногихъ, и прежде всего и выше всѣхъ—Прудона, потому что онъ не похожъ на прочихъ революціонеровъ, радикаловъ, социалистовъ: онъ рѣзко своеобразенъ, въ немъ нѣтъ и тѣни пошлости, нѣтъ шаблона революціонной фразы и позы. Онъ—мужикъ и, какъ таковой, по своему является выходцемъ

какъ-бы изъ другого міра, правда, не изъ античнаго и не изъ эпохи возрожденія, какъ итальянскіе патріоты, но все-таки изъ среды, также поддающейся романтической идеализаціи,—изъ народной, крестьянской массы, еще не цѣликомъ испорченной современною заразою „мѣщанства“....

Буржуазія, „мѣщанство“—*bête noire* Герцена. Онъ относится къ новой буржуазной Европѣ съ безразличіемъ романтика и барина, которому претитъ мелкая жизнь, ограниченность кругозора, пошлость „лавочниковъ“ (какъ онъ выражался), начиная крупными дѣльцами и кончая всякимъ людомъ, вышедшимъ изъ низшихъ слоевъ, оторвавшимся отъ народной массы и способнымъ, будто бы, усвоить себѣ только внѣшнюю сторону культуры....

Герцену кажется (и совершенно напрасно), что буржуазія убиваетъ искусство и всякое высшее творчество. Въ статьѣ „Концы и начала“ (гдѣ онъ возражаетъ на западническія воззрѣнія Тургенева), онъ говоритъ, между прочимъ:

„ — Весь характеръ мѣщанства, съ своимъ добромъ и зломъ, противенъ, тѣсенъ для искусства. Искусство вянетъ въ немъ, какъ зеленый листъ въ хлорѣ...“ *) —Буржуазный строй жизни, по его мнѣнію, противорѣчитъ развитію личности; все рѣзко индивидуальное гибнетъ подъ наплывомъ нивелирующей посредственности. Указывая на это, онъ, однако, признаетъ, что съ тѣмъ вмѣстѣ повышается уровень благосостоянія, расширяется сфера „сытости“. Онъ говоритъ: „Съ мѣщанствомъ стираются личности, но стертые люди сытѣе; платья дюжинныя не заказныя, не по таліи, но число носящихъ ихъ больше. Съ мѣщанствомъ стирается красота породы, но растетъ ея благосостояніе....“

Передъ нами—любопытная иллюзія, которую раздѣляли съ Герценомъ и нѣкоторые другіе мыслители, какъ русскіе, такъ и западно-европейскіе. Восхожденіе буржуазіи встрѣчалось съ недо-вѣріемъ къ ея, такъ сказать, культурно-способности, съ опасеніями за судьбу высшей—умственной—культуры. Въ существѣ дѣла это были чувства аристократическія, классовыя. У Герцена,

*) Сочиненія А. И. Герцена, С.-Петербург. 1905, т. V, стр. 356.

еще какая-то „порода“: вѣдь народная масса въ культурныхъ странахъ Европы—не дикари, не варвары,—онѣ достаточно воспитаны вѣками въ трудѣ, въ борьбѣ за существованія. Пробужденіе у нихъ высшихъ интересовъ—вопросъ времени. Прямой путь къ высшей духовной культурѣ, въ томъ числѣ къ этикѣ и эстетикѣ, идетъ, выражаясь грубо, черезъ „сытость“, черезъ повышеніе уровня потребностей. Правда, на этомъ пути разставлено много соблазновъ, въ числѣ которыхъ видную роль играютъ пороки господствующаго класса. Вновь восходящій классъ подражаетъ своему предшественнику, усвая часто его отрицательныя стороны. Буржуазіи подражала аристократіи,—демократія будетъ подражать буржуазіи. Это неизвѣство, и большой бѣды въ этомъ нѣтъ. Не надо забывать, что, приближаясь къ концу своего историческаго поприща, господствующій классъ приходитъ въ состояніе упадка и по необходимости заражаетъ историческую атмосферу тлѣніемъ своей разлагающейся мысли и морали. Такъ это было въ эпоху упадка аристократіи, такъ это отчасти наблюдается и теперь—въ эпоху расслоенія и демократизаціи буржуазной культуры. Но новыя начала, выдвигаемыя новыми пришельцами,—въ естественномъ союзѣ съ высшими духовными благами, выработанными раньше и давно уже превратившимися изъ классовыхъ въ обще-человѣческія, — легко уничтожаютъ тлѣніе и порчу цивилизаціи, и обновляющаяся жизнь расцвѣтаетъ на перегнившей почвѣ старой культуры, широко раздвигая горизонты человѣчества и подъямая его идеалы все выше и выше.

Эта историческая перспектива, которую можно было уже видѣть въ 60-хъ годахъ *), не была видна Герцену: дѣйствительность и историческій ходъ вещей въ Европѣ затуманивались у него тѣмъ „романтизмомъ“ и тѣмъ безсознательнымъ „барствомъ“, на которые я указалъ выше.

*) Статья „Концы и Начала“ написана въ 1864 г.

IV.

Русскій мессіаниззм Герцена.

I.

Съ годами все мрачнѣе смотрѣлъ Герценъ на западно-европейскую цивилизацію,—безотраднѣе казалось ему ея настоящее, сомнительнѣе, если не безнадежнѣе, ея будущее,—но тѣмъ отраднѣе было ему отдыхать душою на мысляхъ о далекой родинѣ, на мечтѣ о грядущихъ судьбахъ Россіи. Европа изживаетъ свои силы,—думалъ онъ,—Россія только еще накапливаетъ ихъ. Европа на своемъ долгомъ историческомъ пути дошла до „мѣщанства“ и, если когда нибудь пойдетъ дальше, то очень, очень не скоро,—ей предстоитъ еще долгая эра все того же мѣщанства, въ которомъ, пожалуй, она истратитъ свои послѣднія силы. Въ Россіи, напротивъ, не было и нѣтъ буржуазіи въ европейскомъ смыслѣ,—наше купечество и мѣщанство—только сословіе, а не правящій классъ; ни дворянство, ни народъ у насъ не заражены буржуазнымъ духомъ,—и Россія не пройдетъ „мѣщанствомъ“. Герценъ, какъ и многіе въ то время, не предвидѣлъ той „эволюціи“, которая весьма явственно обозначилась вскорѣ: превращенія нашего старомоднаго купечества и мѣщанства, а также и значительной части дворянства въ настоящую „буржуазію“—на подобіе европейской, только безъ заслугъ и идеологіи этой послѣдней; не допускалъ онъ и мысли о выдѣленіи изъ самаго народа мелко буржуазныхъ слоевъ и не вѣрилъ Тургеневу, утверждавшему, что въ мужикѣ сидитъ врожденный „буржуй“. Герценъ твердо стоялъ на томъ, что Россія, какъ страна земледѣльская, мужицкая, демократическая,

да еще къ тому же сохранившая сельскую общину, пойдетъ къ своему будущему совсѣмъ не тѣмъ путемъ, какимъ шла Европа,— и наше будущее должно существенно отличаться отъ тѣхъ формъ, какія создала и въ которыхъ увядаетъ Европа. Община предохранитъ Россію отъ язвы пролетаріата и явится естественною ячейкою, изъ которой разовьется грядущій строй жизни... Создавъ этотъ строй, Россія обновитъ Европу, поможетъ ей выбраться изъ мѣщанскаго болота на свѣтъ Божій... *Ex oriente lux!*

Европа, въ сущности, давно состроилась,—думалъ Герценъ,— зданіе ея цивилизаціи давно закончено, и нынѣ происходитъ только, такъ сказать, перемѣщеніе обитателей этого зданія. Въ аппаратахъ аристократіи водворилась буржуазія, на смѣну ей придутъ „мѣщане“ низшаго разбора,—и ничего, кромѣ порчи и загрязненія аппаратовъ цивилизаціи, отъ этого не предвидится...

Россія только начинаетъ строиться... „У насъ, при непочатой природѣ, люди и учрежденія, образованіе и варварство, прошедшее, умершее вѣка тому назадъ, и будущее, которое черезъ вѣка народится, все въ броженіи и разложеніи, валится и строится, вездѣ пыль столбомъ, стропила и вѣхи...“ — Такъ писалъ онъ въ статьѣ „Концы и Начала“, возражая западнику Тургеневу, который, конечно, зналъ, что Россія строится, но не видѣлъ въ этомъ особаго преимущества ея передъ Европой,— и полагалъ, что рано или поздно Россія состроится все по тому же европейскому образцу.

Оскуднѣніе творческихъ силъ Европы и, въ противоположность этому, избытокъ неиспользованныхъ силъ Россіи,—это славянофильская антитеза была одною изъ заветныхъ идей Герцена, которую онъ развивалъ и въ извѣстномъ письмѣ къ Мишле, и въ статьяхъ, какъ „Концы и Начала“ и др., и наконецъ въ частныхъ письмахъ. Въ одномъ мѣстѣ, возражая Тургеневу, онъ говоритъ: „...Общинное владѣніе земель, мѣръ и выборы составляютъ почву, на которой легко можетъ вырасти новая общественная жизнь, почву, которой, какъ нашего чернозема, почти нѣтъ въ Европѣ. Вотъ почему, любезный другъ, я, средь мрачнаго, раздирающаго душу реквиема, среди темной ночи, которая падаетъ на усталый, больной Западъ, отворачи-

ваюсь отъ предсмертнаго стона великаго борца, котораго уважаю, но которому помочь нельзя, и съ упованіемъ смотрю на нашъ родной востокъ, внутри радуясь, что я русскій“ („Еще варіація на старую тему“. Сочиненія А. И. Герцена, С.-Петербургъ, 1905, т. V, стр. 337).

Не трудно видѣть, какую важную роль въ развитіи этихъ воззрѣній Герцена сыграли тѣ разочарованія, которыя овладѣли имъ послѣ событій 1848 года и ввиду послѣдовавшей почти повсемѣстно реакціи. Онъ разочаровался въ европейскомъ передовомъ движеніи, въ революціонномъ социализмѣ и не видѣлъ—въ Европѣ—выхода изъ тины мѣщанства, изъ тьмы реакціи. Въ такомъ настроеніи, полномъ скорби, онъ не то, что проглядѣлъ, а не оцѣнилъ по достоинству огромный фактъ—зачинавшейся экономической и политической организаціи рабочаго класса. Его мысль, устремленная на созерцаніе отдаленной будущности Россіи, не проникала въ ближайшее завтрашнее будущее обновляющейся Европы,—той Европы, которая не переставала строиться, развиваться, идти впередъ. Онъ ясно видѣлъ только то, что совершалось въ Европѣ реакціонной,—и сквозь эту тьму, заволакивавшую европейскій горизонтъ, ему мерещился вдали, на востокѣ, на родинѣ, отрадный просвѣтъ, словно тамъ занималась заря новой зры для Россіи и для Европы...

Тургеневъ (въ одномъ письмѣ) называлъ Герцена романтикомъ и художникомъ—въ отношеніи къ вопросамъ жизни. И, дѣйствительно, нужно было имѣть много романтизма въ настроеніи и въ складѣ ума, чтобы видѣть въ европейской жизни и культурѣ XIX вѣка разложеніе, застой, смерть и говорить о „больномъ и усталомъ Западѣ“, а въ русской общинѣ, нашемъ крестьянскомъ „мірѣ“, артели усматривать источникъ всемірнаго обновленія.

Присмотримся ближе къ этой иллюзіи. Въ ней, кромѣ романтизма и разочарованія идеолога — социалиста 40-хъ годовъ, замѣтно еще дѣйствіе и другой душевной пружины,—уже чисто-русской.

II.

Русскій человѣкъ, живя подолгу за границей, невольно отмѣчаетъ ту особенность европейской жизни и психическаго уклада „западнаго человѣка“, которую, за неимѣніемъ лучшаго термина, можно назвать „европейскою китаѣщиною“. У насъ ея очень мало, и въ этомъ приходится видѣть, въ одно и то же время, и крупный недостатокъ, „порокъ“ нашей культуры, и (по пословицѣ: нѣтъ худа безъ добра) нѣкоторое наше преимущество. Всякая цивилизація, по необходимости, заключаетъ въ себѣ элементъ „китаѣщины“. И чѣмъ старѣе и интенсивнѣе культура, тѣмъ этотъ элементъ значительнѣе. Вѣками выработанные, стойкіе, вошедшіе въ плоть и кровь культурные навыки и шаблоны мысли, даже шаблоны чувства охватываютъ человѣка, какъ тисками, изъ которыхъ выбиваются только таланты, люди выдающагося ума или характера, а также—одержимые какою либо властною идеею. Средній человѣкъ такъ и остается въ этихъ тискахъ на всю жизнь, даже не чувствуя ихъ гнета. Ему удобно мыслить, дѣйствовать, работать, жить—по установленному шаблону. Вѣковыя пріобрѣтенія культуры и мысли перешли въ инстинкты. Здѣсь, между прочимъ, явственно сказывается присущее всякой культурѣ стремленіе къ экономизаціи силъ. Гораздо экономнѣе—держаться шаблона, чѣмъ изобрѣтать разныя „новшества“, пока разумѣется, этотъ шаблонъ еще пригоденъ, не очень стѣснителенъ. Отсюда—столь извѣстная психологическая консервативность европейскаго человѣка, которая зачастую такъ поражаетъ насъ, русскихъ.

Старая, интенсивная культура, кромѣ столькихъ шаблоновъ быта, мысли и морали, создаетъ еще и то, что можно назвать—условно—„тѣснотою“ жизни. Тамъ, гдѣ всѣ поприща и всѣ закоулки жизни давно и хорошо разрабатываются,—человѣку, хотя и удобно, но тѣсно,—негдѣ ему разойтись, разгуляться. И онъ привыкаетъ работать и мыслить, такъ сказать, вглубь а не въ ширь. Онъ не рискуетъ на творческій починъ, не рѣшается проявить свою оригинальность, предоставляя это тѣмъ, кто призванъ къ этому, кто одаренъ особымъ даромъ творчества, гениемъ. Отсюда—извѣстная не то робость, не то скромность

средняго европейца въ его культурной работѣ, боязнъ „новыхъ словъ“ или недоверіе къ нимъ. Онъ знаетъ, что, выступи онъ съ чѣмъ нибудь своимъ, оригинальнымъ, — въ лучшемъ случаѣ окажется, что онъ открылъ давно-открытую Америку. Онъ знаетъ цѣну себѣ, не умаляетъ ее, но и не преувеличиваетъ. Тургеневъ въ „Дымѣ“ отмѣчаетъ эту черту словами Потугина: „...У послѣдняго нѣмецкаго флейщика, скромно высвистывающаго свою партію въ послѣднемъ нѣмецкомъ оркестрѣ, въ двадцать разъ больше идей, чѣмъ у всѣхъ нашихъ самородковъ; только флейщикъ хранитъ про себя эти идеи и не суется съ ними впередъ въ отечествѣ Моцартовъ и Гайдновъ“, — Это наблюдается во всѣхъ сферахъ жизни: въ teknikѣ, въ наукѣ, въ искусствѣ, въ политикѣ... Интенсивная культура, создавая и окрыляя геніевъ, героевъ творческой мысли и творческаго дѣла, тяжело ложится на психику средняго, хотя бы и талантливаго, дѣятеля, не позволяя ему дерзать; этотъ отказъ средняго человѣка отъ „дерзновеній“ мысли и дѣла порождаетъ въ постороннемъ, недостаточно-вдумчивомъ наблюдателѣ (въ особенности — русскомъ) иллюзію, будто европейская цивилизація нивелируетъ людей, убиваетъ оригинальность, стираетъ индивидуальныя отличія, превращая поколѣнія въ культурное, хорошо дрессированное, стадо. Это очевидная ошибка: такая нивелировка дѣйствительно совершалась нѣкогда въ тѣсныхъ предѣлахъ группъ, на которыя распадалось общество (въ сословіяхъ, цехахъ и т. д.); нынѣ, когда эти группы растворились въ большихъ классахъ, этотъ процессъ уступилъ мѣсто самой широкой индивидуализации. Самый средній и скромный европеецъ имѣетъ, несомнѣнно, свою отчетливо выраженную „физіономію“. Мы, русскіе, часто смѣшиваемъ индивидуальность съ „размахомъ“. Не находя въ европейцѣ „размаха“, почина, дерзновенія, мы ошибочно заключаемъ, что у него нѣтъ ярко выраженной личности.

Европейская „китайщина“ тѣмъ и отличается отъ всякой другой, что не подавляетъ индивидуальности, а, напротивъ, содѣйствуетъ ея развитію. Не прекращающееся движеніе впередъ — на всѣхъ поприщахъ, неутомимая работа критической мысли обезвреживаютъ относительную косность традиціи и силу шаблона. Сочетаніе консервативности и прогрессивности — отличи-

тельная черта европейской культуры, и наблюдателю нерѣдко трудно уловить границу, гдѣ кончается шаблонъ и гдѣ начинается творчество. Почти всѣ европейскія „новыя слова“ звучать какъ то по старому, — и самое новое, самое смѣлое изъ нихъ не является неожиданностью. Его громко выговариваетъ талантъ или геній, послѣ того, какъ долго оно подготовлялось въ скромной работѣ среднихъ тружениковъ. Оттого тамъ нѣтъ пропасти между работою генія и работою „простого смертнаго“ и первая не пропадаетъ даромъ, — ея сила, тысячами психическихъ „проводовъ“, распространяется по всей толщѣ культуры, обновляя ея формы и незамѣтно разрушая старые шаблоны.

Русскій человѣкъ, какъ и всякій культурный человѣкъ, разумѣется, имѣетъ свои шаблоны, свои тиски „цивилизаци“, какая у насъ была и есть. Но наши шаблоны не прочны и часто негодны, они не выдерживаютъ конкуренціи съ европейскими. Русскому человѣку не трудно выйти изъ границъ своего шаблона, и, съ грѣхомъ пополамъ, усвоить себѣ европейскій не принимая, однако, всей тяжести его обязательствъ. Освобожденіе отъ своего шаблона, вмѣстѣ съ поверхностнымъ или частичнымъ усвоеніемъ чужого, порождаетъ въ душѣ русскаго человѣка иллюзію психической легкости, приволья, внутренней свободы, личнаго почина, творчества. Русскому человѣку кажется, что онъ очень своеобразенъ, что онъ — ярко-выраженная личность, — не выносящая никакихъ шаблоновъ, — а европеецъ представляется ему такимъ узкимъ, такимъ тусклымъ, такимъ робкимъ... И смѣло, безъ оглядки, безъ удержу перерѣшаетъ онъ вопросы, передъ которыми наилучше вооруженный европеецъ останавливается съ сомнѣніемъ и колебаніемъ. Вспомнимъ хотя бы „философію“ и нѣкоторыя ученія Л. Н. Толстого... Это типичный образчикъ русской свободы отъ шаблона, русскаго размаха, мысли, идущей въ ширь, а не вглубь, — плодъ культуры исключительно экстенсивной...

Нѣтъ худа безъ добра. Культурность, традиція — дѣло живое; въ свой чередъ мы перейдемъ къ интенсивной культурѣ и будемъ тогда методичны, осторожны и скромны, какъ европейцы. Тогда не минуетъ насъ и та „китайщина“, которая свойственна всякой интенсивной цивилизациі... А пока — насъ спа-

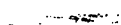
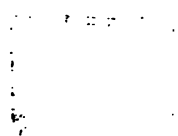
саетъ наше наивное самомнѣніе, нашъ смѣлый порывъ, нашъ удалой размахъ. Въ немъ есть что-то своеобразное (пороку сби- вающееся, правда, на нѣчто—въ хорошемъ, впрочемъ, смыслѣ— Хлестаковское)—что-то нерѣдко гениальное, что-то Гоголевское, что-то Герценовское,—и, кто знаетъ, не этой ли особенности нашей мы обязаны тѣмъ, что въ ожиданіи грядущей прогрессивной, европейской „китайщины“, мы такъ легко избавляемся (со временъ Петра В.) отъ своей собственной „истинно-русской китайщины“, которая не только не прогрессивна, но и не жизнеспособна...

III.

Черта нашего духовнаго склада, о которой мы вели рѣчь, ощущается въ большей или меньшей мѣрѣ всѣми нами, но далеко не всѣ подчиняются той иллюзіи, которая отсюда возникаетъ. Тургеневъ, напр., не только не подчинялся ей, но очень зло критиковалъ ее, можно сказать, издѣвался надъ нею (въ „Дымѣ“ и въ письмахъ къ Герцену). Напротивъ, Герценъ всецѣло былъ подъ ея властью, и она явилась однимъ изъ главныхъ психологическихъ основаній его „русскаго мессіанизма“

У насъ „бѣдность да бѣдность“, дичь и глушь, тьма и гнетъ, всяческое неустройство, безправіе, но все это „искупается“ — писалъ онъ—пророческими радугами и великими образами, постоянно вырѣзывающимися изъ за тумана.

Увы, на трезвый, чудный романтизма и мистики, взглядъ, наше неустройство и вся наша „мерзость заустѣнія“ отнюдь не искупается никакими пророческими радугами, никакими—даже величайшими—образами. Да и позволительно ли строить будущность огромной отсталой страны на такомъ, болѣе, чѣмъ шаткомъ, основаніи, какъ эти „радуги“ и „образы“? Если взять и собрать во-едино все дѣйствительно великое, что создала Россія въ области мысли и творчества, то все это на фонѣ нашей бѣдности и тьмы представится—какимъ то страннымъ недоразумѣніемъ, какимъ то миражемъ, какою-то несообразностью. Нѣтъ элементарныхъ культурныхъ благъ и правъ, періодически просто

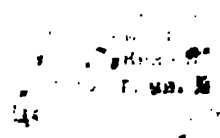
СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе	3
А. И. Герценъ, (характеристика)	5
Западничество и славянофильство Герцена	13
Націонализмъ и социализмъ Герцена	21
Русскій мессіянизмъ Герцена	29

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе	3
А. И. Герценъ, (характеристика)	5
Западничество и славянофильство Герцена	13
Націонализмъ и социализмъ Герцена	21
Русскій мессіаниззмъ Герцена	29

10-00

DK
209.6
H4.095

[illegible]

